

О ВОЛЬНЫХ МАСТЕРАХ...

В ЭТОЙ пьесе нет ничего придуманного. Она родилась из дневников, из быстрых заметок карандашом, в ней все живое, увиденное и услышанное. Не всегда дневник, не всегда записки для себя становятся ценностью, это зависит от личности автора, от широты его взгляда на мир, от таланта. В данном случае к трем условиям присоединится еще и четвертое — чувство театра, которое, несомненно, было у Зори Давновской. Ее «Вольные мастера» написаны человеком с большим сердцем, прожившим свои 26 лет чисто и честно, в постоянных искушениях для себя дела самого трудного, самого нужного людям.

События пьесы вертятся вокруг клуба, старого, с протекающей крышей, потемневшего от дождей, клуба, который нужно отремонтировать к празднику. И вот из такого будничного события, как ремонт, вырастает драма, естественная и сильная, затрагивающая философскую проблему крушения индивидуализма.

«Завязались» события пьесы самым естественным образом. Просто пришли в село «вольные мастера», артеда, маляров-часпиков.

В Центральном детском театре, где пьесу поставил А. Эфрос, их приходу уделено особое внимание. Говорит гармоника чуть слышен вдалеке, потом ближе, ближе, и вот из-под горы по степке, проложенной к клубу, мимо березы, в одиночку стоящей на косогоре, плывет процессия. Вязь, томок, заливаются гармоны, надсаживают горло дежача, бьют каблучками утоптанную землю. И центр этого веселья — Яков Николаевич, или, как назвала его З. Давновская, Яшка, с ослепительным чубом. Невысокий, верткий, брызгающий обаянием, он дирижирует поющими и пляшущими, еле одерживаясь, чтобы не завертеться валчком.

Во втором акте мотив появления вольных мастеров в селе повторяется. Они идут к клубу той же дорогой, сходящей с маленькую лужайку, мимо дерева с висящими ветвями, будто опустились у него руки, но теперь это скорбное шествие неудачников.

«Вы-ы-вали дни счастливые...» — затягивает по привычке свою прежнюю, любимую песню Яшка, пробуя казаться счастливым. Но огня, бывшей удали, широты нет. Дерево, что стоит над обрывом, облетело: растеряло нарядные свои листья, которые лежат тут же, на земле, желтым сверкающим ковром. Мы замечаем это почти в тот же миг, когда Яшка снимает кепку, открывая вместо ослепительного своего чуба залысанные, поредевшие волосы...

У Зори Давновской пьеса «двоилась». В ней существовали вместе, уживаясь под одной крышей клуба, «захватывая» автора поочередно, две темы: одна — лирическая, светлая, безусловно автобиографическая, которая вбирала в себя судьбу вчерашней школьницы, приехавшей в деревню заводить клубом; другая — история мастеров. Наверное, можно было бы сократить каждую из них, найдя точки их пересечения...

В сценической редакции В. Розова, сделанной для Центрального детского театра, линия заведующей колхозным клубом стала едва ли не лишней, тем более, что В. Туманова играет Юлю на редкость неинтересно, и ее «никакая»

героиня начисто лишает нас возможности увидеть в ней хотя бы что-то от самой Зори Давновской. Зато линия Яшки и его артели стала стержнем пьесы. Композиционные подражки, внесенные В. Розовым, более четкое драматургическое построение, расшифрованные мотивы поведения героев, попытки досказывать, уточнить их биографию сделали пьесу крепче, хотя и традицианнее.

В спектакле фигуры вольных мастеров, великолепно решенные режиссером и артистами, вырисовались еще конкретнее и точнее. Спектакль посвящен им: бывшему счастливицу Яшке, изверившемуся в удаче, талантливому человеку, нелепо разбавариавшему свое мастерство в погоне за длинным рублем (так играет его А. Шмаков); Семену Ивановичу, мастеру «золотые руки», напомнившему в тонком, без привычной театральности «характерности», исполнении В. Полуприева маляра Редьку из чеховской повести «Моя жизнь»; сосредоточенному, умному Михаилу Чугину по прозвищу «Махайло», заблудившемуся против Яшки и прежнего, лишенного смысла и цели бытия (артист С. Соколов).

Разрушающее действие их эгоизма, безответственного, «для себя», существования отражается на судьбах тех людей, кто случайно или не случайно оказался на их пути. З. Давновская столкнула

Яшку с двумя разными девушками. И вот — одна из лучших сцен в спектакле, отлично играют ее А. Дмитриева (Глаша) и Т. Надеждина (Таня): девушки вновь увидели бывшего своего «героя», оказавшегося ничем. Он спит, недовоку устроившись на зеленой, не его руками покрашенной скамье, а они стоят возле и грустят вслух, что нет уже прежнего Яшки, в талант которого они/верили...

Актерская и режиссерская работа неотделима от того, что найдено и воплощено в спектакле художником Вяч. Ивановым. Клуб, выстроенный на пригорке и повернутый так, что нам видна лишь распахнутая настежь дверь, ничем не примечательный, вдруг в финале спектакля становится поэтическим образом. Яшка, рассорившись с остатками артели, выбегает на воздух и идет в ночь, по мокрой траве, куда глаза глядят. Поворачивается круг (старое театральное средство, использованное со смыслом, становится неожиданным новым!), и клуб, освещенный всеми своими огнями, возникает в разных ракурсах, как навсегда потерянная мечта о чем-то хорошем и своем.

На этом кончаются «Вольные мастера» — спектакль Центрального детского театра, спектакль для взрослых, для молодежи, но, разумеется, не для обычного зрителя этого театра.

О. ДЗЮБИНСКАЯ.